

Вер. Москва - 1990. - 19 апр.

Вопреки здравому смыслу

ТЕАТР... НА ПОСТНОМ МАСЛЕ

У него столь же таинственная история, как и у всего «серого, громадного, наподобие целого города или даже целой страны дома в тысячу окон», прозванного в народе с легкой руки Юрия Трифонова «Домом на набережной». Именно здесь, со стороны Берсеневской набережной, в начале тридцатых на нем красовалась вывеска «Клуб имени А. И. Рыкова».

Сам клуб был двухэтажным. Наверху располагались сцена со зрительным залом, фойе, гримерные, а внизу помещения, предназначенные для жизнеобеспечения всего Дома правительства.

Двадцать лет служил ему клуб верой и правдой (хотя и лишился вскоре имени бывшего председателя Совнаркома), являясь наряду с кинотеатром «Ударник» и библиотечкой культурным центром 500-квартирного дома. В 1950 году было решено соединить хлеб духовный с хлебом насущным. С этих пор и обосновалась на первом этаже и в подвале клуба знаменитая «кремлевка» — столовая лечебного питания Минторга СССР. Собственно, и верхний этаж тоже по-своему выполнял функции кормильца. Разница между ними была лишь в том, что если один из них, на который в 1961 году переехал Государственный театр эстрады, кормил духовной пищей всю многомиллионную столицу (в тесноте, да не в обиде), то к другому, вольготно чувствовавшему себя под ним, слетались за спецпропитанием небольшие стайки черных «Чаек» и прочая благородная «птица» высокого полета.

Такое «разделение труда» продолжалось вплоть до осени 1988 года, когда после закрытия «кремлев-

ки» и, видимо, руководствуясь принципами социальной справедливости, Моссовет передал помещения бывшей столовой общей площадью 3600 квадратных метров... нет, не Театру эстрады, который обратился к отцам города с нижней просьбой помочь расправить плечи, а... исполкому Октябрьского райсовета, и опять же для создания столовой.

С тех пор в течение полутора лет пустующие помещения полуподвала закрыты на замки.

А что же Театр эстрады? Неужели безропотно смирился со своей участью, так и оставив надежду вырваться из тисков, точнее — застенков второго этажа, которым было суждено столь странное соседство? Ведь театру по существующим нормам не хватает трети помещений, в том числе репетиционных, а также комнат для хранения сценических костюмов и оформления сцены. В театре вместо шести — всего три гримерные, а туалетные комнаты расположены в непосредственной близости от зрительного зала.

Нет, администрация не бездей-

ствовала. Трижды обращалась она в райисполком и Моссовет с просьбой передать пустующие помещения театру. В этом случае он имел бы возможность создать дополнительный культурный комплекс в городе, ведь на Малой сцене можно было бы организовать и творческие вечера ведущих мастеров эстрады, и клуб-лабораторию для выявления талантливой молодежи, и выставки изобразительного искусства, и видеосалон, и залы для детских компьютерных игр.

Кроме того, можно было бы частично решить проблему создания нормальных условий для участников спектаклей и программ на основной сцене.

Увы, все обращения и просьбы коллектива театра остались без реального ответа. Впрочем, так же, как и письмо министра культуры СССР Н. Н. Губенко к бывшему в ту пору председателем исполкома Моссовета В. Т. Сайкину, в котором подчеркивалось, что «главным доводом ходатайства является то, что передача помещений театру послужит решению задач в сфере социально-культурного обслуживания москвичей».

«Мне представляется, что вопрос ставится правильно», — в конце концов накладывает свою резолюцию Валерий Тимофеевич, и исполком Моссовета принимает решение передать подвал театра... Научно-исследовательскому институту общественного питания.

Зритель привык к тому, что театр начинается с вешалки, так зачем же его начинать... с НИИ общепита? Ведь каким бы продуктивным он ни стал, но духовный голод им не утолить.

А. ВУЛЫХ.